

Екатерина Иващенко

Такие разные женские судьбы

Музей
Истории
Екатеринбурга

Ridero

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

ЛАБОРАТОРИЯ
ВОСПОМИНАНИЙ

Екатерина Иващенко

Такие разные женские судьбы

«Издательские решения»

Иващенко Е. И.

Такие разные женские судьбы / Е. И. Иващенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506430-1

Как выживали в военное детство? Чем жили в послевоенные годы? Где учились и чем занимались в свободное время? В этой книге собраны невыдуманные истории о детстве и юности замечательных советских женщин — астронома, учителя музыки, радистки, проектировщика и других. Их истории про радости и трудности, про дружбу, первые влюблённости, годы дефицита, жизнь в деревянных домах, коммуналках или в «Дворянском гнезде». И про то, как нужно уметь в любых обстоятельствах быть просто счастливыми.

ISBN 978-5-00-506430-1

© Иващенко Е. И.
© Издательские решения

Содержание

Шехтман Ида Моисеевна 1942 г.р.	6
Про бегство от немцев и рождение под телегой	7
Как вы собираетесь воевать, если очки на одних бинтах держатся?	8
Про цыганскую почту и дальнюю дорогу	9
Землянка, малярия и чужие абрикосы	10
Снова вместе. В Челябинск-40	11
Дядя Ваня	12
Про отношение к учёбе и досмотр на КПП	13
История одного рояля	14
Про путешествие с топором в изголовье	16
Жить в Салавате, купаться в нефти	17
Про учительницу, не знающую русский язык	18
Не открывай дверь незнакомым	19
Кем быть, где учиться?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Такие разные женские судьбы

Екатерина Игоревна Иващенко

Дизайнер обложки Анастасия Сергеевна Мановицкая

© Екатерина Игоревна Иващенко, 2019

© Анастасия Сергеевна Мановицкая, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-6430-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моей бабушке посвящается

Хочу выразить огромную благодарность каждой героине книги. Благодарность за то доверие, которое они мне оказали, поведав о самом сокровенном в своей жизни, о своей судьбе. А ведь их судьбы – это не просто частные истории, это истории формирования целого поколения людей, чьё детство и юность пришлось на тяжёлые военные и послевоенные годы. Это истории становления сильных характеров сильных духом женщин! Без них эта книга бы действительно не могла состояться.

Жизнь человека – это длинный путь познания себя. И начинается этот путь с самого детства, с тех моментов, когда ребенок просит своих близких рассказать о себе, о своем взрослении и юности... И именно из этих рассказов он выстраивает свои жизненные ориентиры.

Когда становишься старше, воспринимаешь такие семейные воспоминания уже под иным углом, под углом их историзма и эпохальности. Можно узнавать о событиях прошлого, читая книги или изучая архивы, а можно просто разговаривая с людьми об их жизни.

В этой книге собраны девять таких разговоров о детстве, юности и зрелости уральских женщин, родившихся в 30-40-ые годы прошлого века. Женщин разных национальностей, разного уровня достатка, попавших в наш город из разных уголков страны или наоборот проживших здесь всю свою жизнь. Они говорят о войне, о тяжёлых послевоенных годах, об оттепели. О себе, об окружении, семейных традициях, быте, о том, что вдохновляло и радовало, и о том, что пугало. И эти истории – не только интересное чтение, но и возможность научиться лучше понимать прошлое поколение, а также иначе посмотреть на самого себя.

Шехтман Ида Моисеевна 1942 г.р.

Про бегство от немцев и рождение под телегой

Я родилась на Украине в самый разгар войны. Когда я ещё была в утробе матери, маму и мою старшую одиннадцатилетнюю сестру на грузовике спешно вывезли с папиной работы из города Черкассы, потому что немцы подошли очень близко: Киев ведь практически сразу начали бомбить. Было так: по дороге мимо нашего дома ехал какой-то грузовик с ротой солдат, они нас с собой прихватили, а на второй день пути мама меня и родила буквально под какой-то телегой. Солдатам нужно было ехать дальше, ждать они не могли, поэтому нас оставили неподалеку в одной деревеньке в районе Полтавы – Парасковеевке. Никаких вещей у нас с собой не было. Когда уезжали, то все происходило так быстро, и мама была настолько в шоковом состоянии, что ничего с собой не взяла, кроме зачем-то прихваченной простыни. Уже в грузовике ей и сестре дали солдатскую одежду: какие-то рубахи, кто что из солдат с себя снял и не пожалел. Высадили нас троих и уехали.

Что делать? Куда идти? И на наше счастье в этот момент мимо проходила жительница этой деревушки, тащила домой хворост. Увидела маму с младенцем и сестрой: «Вы чего тут сидите? Здесь ведь рядом немцы, скоро придут. Надо прятаться!» А где прятаться? Места незнакомые, роженица на второй день ещё в себя не пришла. И эта бабушка нас тогда пожалела: притащила к себе, отпаивала меня и маму всякими травами. Спасла нас.

Мимо этой деревни шла дорога, по которой везли солдат и провиант для Красной армии. Эта женщина подсуетилась и как-то договорилась, чтобы нас тоже с очередной машиной прихватили и отвезли в Харьков, где у мамы была сестра. По счастью, мы благополучно туда добрались, нас встретили родные, меня наконец-то зарегистрировали. Причём назвать меня можно было бы как угодно, потому что ЗАГС уже был закрыт, документы все были разложены по папкам, и вообще всем было не до какого-то младенца: в Харькове готовились к эвакуации.

Как вы собираетесь воевать, если очки на одних бинтах держатся?

«Но где во время таких бедствий был мой отец», – спросите вы. Он был уже призван на фронт. Когда моего папу взяли в армию, у него было зрение минус тринадцать, представляете? И пока шло обучение, он очень тяжело заболел тифом и попал в лазарет, не зная, где находится его семья – эвакуировали или нет.

А в это время под Челябинском начиналось строительство атомной станции «Маяк», и были очень нужны специалисты по деревообработке, людей искали в разных местах Союза. Отец же мой кончил лесную школу (по современным меркам это что-то типа лесотехнического техникума), и он был экспертом Укрлеса и очень хорошо в этом разбирался. Всё время ездил по командировкам: следил за посадками, руководил вырубкой гнилых деревьев, определял пригодность материала для строительства. Если садовод выращивает фрукты, то папа всю свою довоенную молодость выращивал лес. И вот один мужчина, товарищ Комаровский, приехал набирать людей для строительства станции. Он пришёл в лазарет и спрашивает, может, есть у них кто-то, разбирающийся в лесобработке? Ему рассказали про папу, он – к нему. А у папы тогда очки уже были разбиты, оправка еле держалась на бинтах. Комаровский его спрашивает, как же он собирается воевать с таким зрением. Папа ответил, что обязан Родину защищать. Но Родину защищать можно не только в бою. И Комаровский предложил отцу поучаствовать в строительстве «Маяка». Конечно, он конкретно не рассказал, что это за объект: тогда ведь особо не распространялись о таких вещах. Сказал только, что это очень важное правительственное задание под Челябинском, которое курирует сам Берия. Стройка эта называлась Челябинск-40. Папа в итоге согласился, ведь он должен был где-то трудиться. Но выставил одно условие: помочь найти семью.

Про цыганскую почту и дальнюю дорогу

Во время нашего пребывания в Харькове каким-то чудом нашёлся папин брат, который не был призван в армию, потому что у него с детства был выбит один глаз. Он тоже разыскивал семью и мою маму и каким-то образом догадался позвонить маминой сестре, которая подтвердила, что мы с ней, но не знаем, куда деваться.

Он приехал вместе с нашей бабушкой, отцовской матерью, и своей женой и начал хлопотать об эвакуации. Дядя был финансистом и начальником финотдела одного небольшого городка на Украине, а его жена – адвокатом, следователем и очень заслуженным человеком. И вот нас всех вместе отправили в Фергану.

В эвакуацию ехали в теплушке. Мама на каждой станции выскакивала из вагона и оставляла весточку: говорила или писала, что здесь проезжала наша семья, а направляемся мы туда-то. Это была так называемая цыганская почта. Все так делали в надежде впоследствии найти родных и друзей.

Дорога была тяжёлая, голодная, вагоны были переполнены, люди ехали кто как: кто без всего, в чём выскочил из дома, кто-то же волок бесконечные чемоданы и узлы. Как-то раз бабушка держала меня на руках, и сверху на неё упал огромный чемодан. Она, естественно, согнулась, защищая меня, а я от удара выпала из ее рук и закатилась под какую-то лавку. Бабушка получила сильный удар на спину... А потом уже сестра и говорит: «А где у нас девчушка-то?» А я всё это время под лавкой так и валялась.

Землянка, малярия и чужие абрикосы

Дядю с женой оставили в Фергане. Такие специалисты были нужны, а всех нас – меня, сестру, маму и бабушку – отправили в какой-то кишлак. Нам выделили небольшое жилище без окон, с земляным полом, сырое и мрачное. Неподалеку жил и сам хозяин, караулил свое имущество и огромный фруктовый сад. Но из сада брать он не разрешал ничего. Сестре, чтобы получить разрешение сорвать какой-нибудь фрукт, нужно было сначала отработать: пасти хозяйских коз, овец, коров. Положение было аховое. Есть было нечего, и мама была вынуждена пойти на работу на хлебозавод, где и пропадала целый день. Вообще она окончила курсы медсестёр, лечила людей, но в том ауле, где мы жили, это умение было никому не нужно. Об отце ничего не было известно, он в свою очередь, ничего не знал про нас. На меня же в тот период времени меньше всего обращали внимания. И без того проблем и дел было невпроворот. За мной следила наша уже довольно старенькая бабушка, в основном только нянчила, кормить было нечем.

Потом началась малярия, и все мы заболели: и сестра, и бабушка, и мама, и я. Мне тогда было месяца три-четыре. Пришла врач, всем сделала уколы... кроме меня. Мама ей: «Но как же ребёнок, он тоже болеет». А та в ответ: «Да зачем на неё тратить, еще день-два, и не станет её». Тогда пенициллин был очень дорогим и редким лекарством, поэтому она решила приберечь его для какого-нибудь другого человека. Но, видимо, какой-то ангел спас меня, и я выздоровела. С того времени сохранилась одна моя фотография, и это, я вам скажу, кошмар: кривоногая, тощая. Я про себя называла это фото «ребенок из Освенцима».

Позже сестра говорила, что даже я, будучи совсем маленьким ребёнком, понимала, в какой незавидной ситуации мы оказались. И рассказывала, что когда хозяина дома не было поблизости, она залезала в сад на дерево, сбрасывала абрикосы, а я – мне месяцев восемь-девять тогда было – ползала под деревом и сгребала их в кучку, чтобы потом сестра успела быстро собрать.

Снова вместе. В Челябинск-40

Наконец в начале сорок четвертого Комаровский сказал папе: «Даю вам пять суток, ваша семья находится там, у вас родилась дочь». Ещё он вручил специальный талон, который можно было потратить на зимнюю одежду для себя и родных: на валенки, тулупы и прочее. Ведь ехали в холод, на Урал.

И вот, мама на работе, сестра пасёт овец, бабушка сидит со мной в этой землянке без окон... и тут появляется наш папа! Представляю, какая это была встреча, какой праздник.

Мне было уже два годика, даже ближе к трем, но когда он меня увидел, то воскликнул: «Ба, мне сказали, что у меня в сорок первом дочка родилась, а эта такая крошечная лежит!» Худенькое, маленькое существо...

Вот так наша семья наконец воссоединилась. Когда освободили Киев, бабушка заявила, что в холод на Урал она ехать не желает, поэтому осталась с дядей (потом они вместе вернулись под Киев), а мы поехали дальше, в Челябинск.

Какие у меня воспоминания о жизни в Челябинске? Мы жили в многоквартирном доме, в коммуналке, где, естественно, было много людей. Примерно тогда появилась американская продуктовая помощь. Мне было уже года четыре, и я очень хорошо помню эти большие белые банки с консервами. Выдавали их раз в пару месяцев. По соседству с нами тогда жила семья одного военного: муж, жена и дочка. И, к сожалению, эта женщина очень предвзято относилась к евреям. Всегда считала, что наши консервные банки больше, чем у них, или что у наших цвет получше, что они посвежее...

А вообще там несколько еврейских семей было, человек, наверное, пять работало, в том числе папа. И хотя у него не было высшего образования, он был настолько хорошим специалистом, что его без лишних разговоров сразу назначили начальником цеха по деревообработке. Как-то приезжал министр среднего машиностроения, и в один день (мне тогда было уже семь лет) отец пришёл домой так поздно, что мы его даже потеряли. И слышу я мамино восклицание: «Какая красота!» Выхожу – а его орденом наградили, и куча грамот лежит.

Но в те времена я своего папу почти не помню, только, разве что, сквозь сон вижу, как он в темноте, уже ночью после смены наклоняется ко мне, чтобы погладить. А днём я его не видела – вот такая была работа.

Были очень строгие условия: выход за территорию разрешался только по специальному пропуску, не дай Бог опоздаешь на работу на десять-пятнадцать минут – и всё. Пропуск забирала, а тебя за этот проступок отправляли куда положено. Очень жестокие меры.

Но что я хорошо помню, так это ощущение сытости. Бывало, мама говорит: «Ида, кушать!» А я не хочу. Прекрасное это чувство.

Строилось всё очень быстро. Вроде, вот только один дом стоял, а потом уже два, три... Но женская половина, например, вообще не понимала, где они находятся. Ну, строят что-то мужчины и пусть строят. Да и сам отец потом говорил, что им тоже особо никто ничего не сообщал, сами только догадывались, что готовится некий секретный объект.

Дядя Ваня

Потом там стали появляться пленные немцы-строители, и отношение к ним было понятно какое. Как-то в наш дом пришел немец дядя Ваня, он с папой на лесопроизводстве работал. В тот раз он нам на машине привёз дрова на все квартиры в доме и в каждую по очереди заносил. Я тогда сидела в комнате и вдруг слышу, мама кричит: «Да прекратите вы уже, встаньте, встаньте!» Думаю: «Кому это она?» Выхожу и вижу: он стоит на коленях и прощение просит. И так в каждой квартире. А потом, когда мы переехали в другое отдельное жильё, он жил с нами в небольшом предбаннике. Очень добрый и хороший был, зимой меня на санках катал. Ещё дядя Ваня меня учил правильно есть селедку. Когда хорошая селедка, в ней есть внутренности – «молоки», это что-то типа очень мягкой печени. Он учил, что нужно взять столовую ложку с этими «молоками», подержать над огнём, чтобы они растворились, и тихонечко с хлебушком съесть. Вкусно!

А сам он был зубным врачом. Его, как и всех тогда в Германии, призвали в армию, и чуть ли не на второй-третий день взяли в плен, и он даже автомат в руках подержать не успел. Отцу его стало по-человечески жалко, и он ему постоянно чем-нибудь помогал. А потом этого дядю Ваню депортировали на родину.

Про отношение к учёбе и досмотр на КПП

В сорок седьмом-сорок восьмом году появилась школа, и я пошла в первый класс. А сестра, как-то выучив экстерном то, что она пропустила до этого, поступила сразу в десятый. Всех ребят собирали и увозили туда на машине. Располагалась школа в каком-то посёлке.

Были очень сильные учителя, и все дети, как один, хотели получить высшее образование. Сестра решила поехать учиться в Свердловск в юридический институт. Количество мест, куда можно было выехать с этой стройки, было ограничено.

И я очень хорошо помню, как мы провожали её в институт: плачет мама, плачет отец. Уложили вещи в два чемодана, одежда наглажена, сложена чистенькими аккуратными стопочками. И до сих пор стоит картина, как охранник на КПП вывалил всё на грязный пол, груды вещей шерудит и обратно в чемодан комками швыряет. А ещё мама сестре еду заготовила (ведь из Челябинска до Свердловска доехать надо), так он просто взял и её себе на стол переложил: печенье и другие мелочи. И попробуй ему что скажи. Родители тогда плакали так, словно они сестру навсегда потеряли. В итоге она успешно поступила в институт, познакомилась ещё с несколькими девочками, и они вчетвером сняли комнату и жили на Карла Маркса.

История одного рояля

Сестра моя, не зная ни одной музыкальной ноты, прекрасно играла на пианино, и ещё с детства у нее была мечта, чтобы у неё появился собственный инструмент. В тридцать восьмом году папу перевели работать в Черкассы, и он рассказывал, что в эти годы в Советском Союзе у людей выросло благосостояние. Тогда, например, у него появилась возможность покупать книги и сформировать одну из лучших домашних библиотек города. Отец собирал русскую классику (ведь иностранных авторов не печатали). И тогда же сестре купили вожделенный импортный рояль.

Дом, где они жили, и из которого мама с сестрой потом в спешке сбегали от немцев, был длинный, на четверых соседей, и все они были друзьями. Комнаты располагались анфиладой, и двери вообще не закрывались. Жили словно одной большой семьей. Сестра могла зайти домой с другой стороны через чужой вход, а потом пройти насквозь до своей квартиры через одних, вторых, третьих соседей. Около дома был разбит большой вишневый сад. И обязательно все соседи-друзья приходили и слушали, как сестра играла на своем рояле, она сама подбирала музыкальные популярные песенки. Когда их с мамой в эвакуацию забирала машина, то сестра закрыла инструмент на ключик и этот ключик увезла с собой: была надежда, что еще получится вернуться домой.

Потом уже в Челябинске к сестре приходили гости, и тогда она играла военные песни на чём придётся. Например, найдут где-нибудь аккордеон, приволокут домой. Мама аккордеон увидит и говорит: «Да ты же не умеешь, что и как ты собралась с ним делать?» Так они его либо клали на табуретку, и сестра играла, как на пианино, либо кто-то стоял рядом и тянул меха, а она клавиши перебирала. А я все их песни наизусть знала. Песенку фронтовых журналистов, «Фронтовые дороги»... Была солисткой! Как-то, глядя на это, маме одна женщина предложила учить меня играть на пианино. Так я, заслышав это, убежала за тридевять земель, а мама гонялась за мной с веником... Потом, правда, я жалела.

В сорок седьмом году папу за хороший труд наградили отпуском, и мы отправились к родне на Украину. К бабушке заехали. Мне тогда уже было шесть лет. Бабушка как на меня посмотрела, так потом три дня и три ночи редела... Такая я была тощая. И соседи, глядя на меня, говорили, да ел ли этот ребёнок когда-нибудь хоть что-нибудь в своей жизни?! Бабушка потом всё меня откормить пыталась, гонялась за мной вокруг своего домика, чтобы я скушала свежее яйцо от курицы или молоко выпила.

И в ту поездку сестра начала папу уговаривать съездить в Черкассы. Просто, чтобы посмотреть на дом и на сад... А немцы, кстати, этот город берегли, там ничего не ломали и не портили.

И вот решились поехать, меня тоже с собой взяли. Сестра мне всю дорогу с восторгом и воодушевлением говорила, что наконец-то ты увидишь наш сад и моё любимое вишнёвое дерево, на которое я залезала, ела вишню и потом косточки щёлкала в мальчишек; помотришь на наши комнаты, и, может быть, там и рояль ещё остался!

Подшли к забору, звонок. Папа нажимает, выходит солидный мужчина:

– Вам кого?

Папа объясняет:

– Извините, мы здесь жили до войны, это были наши окна. Разрешите...

– Ещё чего захотели! Может, ты ещё и прихватить с собой что-то собрался?

Оскорбил так и этак и в дом не впустил. Сестра разревелась, я тоже за компанию в слёзы, правда, не понимая, по какому поводу ревом, и почему нас не пускают, мама расстроилась. На этом наше посещение закончилось. А ведь мы и ни на что тогда не претендовали. Не потащим же мы с собой рояль на другой конец страны?

А лет пятнадцать назад один друг нашей семьи получил письмо о том, что можно, перечислив список имущества, которое у вас было до войны, объявить иск по поводу его возвращения, если оно, конечно, ещё существует. Я-то понимала, что это всё ерунда, но моя сестра невероятно загорелась: «Мне нужен мой рояль!» А папа – он ещё тогда был жив – тоже размечтался, он бы хотел назад свою библиотеку... хоть пару книг! И вот сестра с зятем составляли описание, оформляли письмо, накатали огромную петицию, отправили. И в итоге даже ответа не было. Ещё кто-то из наших знакомых тоже на это купился, но ни один ответное письмо так и не получил. Оно и понятно – сколько уж лет прошло. Но мне до сих пор не ясно, зачем же надо было людей попусту будоражить?

Про путешествие с топором в изголовье

Строительство в Челябинске-40 заканчивалось, далее – неясность... Но тогда Комаровский, Бог нашей семьи, предложил папе новое дело. В Башкирии в Салавате были обнаружены большие залежи нефти. Там решили строить нефтекомбинат, и Комаровский пригласил отца поехать туда в качестве начальника деревообделочного участка. Этот вариант понравился хотя бы потому, что оттуда можно было выбираться к дочери на каникулы, и папа согласился.

Как мы туда ехали... Нам оборудовали специальную теплушку, небольшой вагон, у которого есть только нижние полки, прицепили её к поезду, погрузили нас, вещи... Когда мы ехали в Салават, то кроме нашей семьи других пассажиров не было. Внутри стоял огромный бак с водой, буржуйка, еда, тепло, можно и чай вскипятить, но уж, конечно, не варить там что-то. Внутри была одна малюсенькая лампочка, и под ней мама учила меня читать, ведь заняться было нечем. И вот я читала всякие этикетки, какие находили. Книг с собой не везли.

Ехать было страшно и очень опасно. В то время многие заключённые совершали побег, и когда поезда останавливались на полустанках, то они обязательно появлялись, вскрывали и грабили теплушки. Комаровский дал папе с собой револьвер. Всю дорогу отец спал около дверей, придвинув туда кровать и держа рядом с собой топор. Вообще на дверях там был засов и железный замок, но для грабителей это была не помеха: подумаешь, на дороге ведь арматура валялась, которую можно было использовать в качестве лома. Вести себя нужно было крайне осторожно и без надобности не высовываться. И пусть вагон остановился, нечего смотреть, где он там и зачем встал. Знали итоговое время, когда должны были приехать, а до этого надо было вести себя тихо. А ведь мы слышали снаружи шаги, как кто-то стучал, ходил, и сидели внутри, затаив дыхание, чтобы никто не почувствовал, что в вагоне есть пассажиры.

Доехали до места, отец открыл засов, смотрит: снег везде лежит, белый-белый. Это была зима 1950 года. Кругом степь, всё искрится, и стоит посреди этой белизны телега с лошастью, а в ней сидит башкир, настоящий абориген в меховой шапке, тулупе, и в санях тоже валяется несколько тулупов. И этот товарищ на ломаном русском папе говорит: «Я приехал тебя встречать». А нигде, между тем, не видно никакого следа человека: ни избушки, ни домишки, ни дороги, ничего в этой степи нет. Я даже в сани сперва не хотела садиться и идти по снегу в эту пустоту! Погрузились, башкир закутал нас всех в тулупы, и вот мы едем час, полтора... Потом я папу тихонько спрашиваю, куда он нас везёт-то! И вдруг вижу: появились в этой белизне два трехэтажных дома. Пожалуйста, приехали. А кроме этих домов вокруг больше ничего и нет. Выгрузил наши чемоданы у подъезда, сел на телегу и уехал. Папа зашёл внутрь. Это оказалось служебное помещение – контора будущего нефтекомбината. А заселили нас в другой дом, где тоже была многокомнатная квартира с соседями. И так началась наша башкирская жизнь.

Жить в Салавате, купаться в нефти

Строить Салават было нелегко, ведь надо было ухитриться не попасть на источник нефти. А между тем, месторождение было очень богатое. Когда весной снег таял, то нефть можно было прямо под ногами черпать! А ещё была неправильная роза ветров, и когда нефть выходила, дышать людям было нечем, поэтому вокруг города находили источники, где есть нефть, и сжигали. Горели факелы.

Соседи были разные: и семьи, и мамочки с грудными детьми. И вот тогда мамины медицинские знания пригодились. Жили дружно, друг другу помогали. Периодически начальник строительства выделял телегу, и женщины собирались в деревню, где покупали яйца, мясо, молоко, кур. А вот хлеба я не помню, мне кажется, что башкиры вообще неохотно едят хлеб.

Когда город только зарождался, то везде ставили финские домики на двух соседей со входом слева и справа. Домики эти были, как кукольные, маленькие-маленькие. Сейчас я на них смотрю и не представляю, как мы там помещались и жили.

А как-то раз между домами прокладывали асфальт, изрыли там всё ямами, которые во время дождя наполнялись водой, и мы, дети, с восторгом там купались. Вылезали потом, как чертенята, потому что и там были масляные нефтяные полосы.

Ещё было такое развлечение. Поскольку город очень активно строился, то постоянно появлялись новые улицы и кварталы, и мы с очень большим интересом всегда отправлялись на разведку по новостройкам. Наши финские домики, которые первыми поставили, быстро стали окраиной. Появился кинотеатр Родина, вырос большой микрорайон около нефтезавода, правда, как ветер подует, там вообще дышать нечем было. Но зато дома красивые, высотой по пять-шесть этажей. Для маленького города это ведь уже настоящие небоскрёбы. И вот мы, дети, некоторое время никуда не ходим, а потом соберёмся компанией и направляемся изучать новую улицу. Идём по ней, и всё для нас открытие.

Про учительницу, не знающую русский язык

Когда мы прибыли в Салават, я должна была пойти во второй класс. Школы не было, поэтому нас тоже возили в какое-то село, где учительница вообще не говорила по-русски. С математикой просто, там одни цифры, напишет она на доске два плюс три и знак вопроса, кто-нибудь из нас шёл и писал то, что думал и понял. Но, что интересно, она же учила нас правильно писать по-русски. Хотя языка она не знала, но выдавала нам карточки с текстом, вырезанные из русских учебников. Мы должны были читать ей вслух, а потом учить наизусть, то есть мы видели, как формируются слова. И это была очень правильная методика. Хотя она сама нам ничего не говорила, но показывала, как правильно читать, писать, подчеркивала слова, на которые надо обратить внимание. Года полтора мы так учились. А потом уже очень много народу туда приехало, привлекал мягкий климат в Башкирии. И тогда уже быстро построили и новую школу, и магазины. Вот так и вырос город Салават, и там возникла школа №1. Многие из учителей были башкирами, но они уже владели языком. Хотя бывало и смешно, когда преподаватели какие-нибудь слова не знали или неправильно произносили. А дети ведь есть дети, нас это крайне забавляло. Спросишь, например, у учительницы географии про что-нибудь: «Почему так?» А в ответ: «Почём-почём? Потом скажу!» Над этим почём-почём мы очень смеялись, и фразочка эта на всю жизнь запомнилась.

Не открывай дверь незнакомым

В Салавате было довольно много заключённых. По сути, они комбинат и строили, отбывая свой срок, причём работали не только немцы, но и наши. Было их два типа: те, кто не мог выходить за территорию, и кто имел право покидать зону по специальному разрешению, выдаваемому на несколько часов, а после они возвращались. И был у нас такой случай.

Мне маленькой пришлось в голову достать папины грамоты и украсить ими все стены в спальне, мама меня всё укоряла, зачем я это делаю, папа будет ругаться! А я её и убеждаю, что, наоборот, все придут и сразу увидят, какой тут важный человек живёт!

И как-то раз зимой был поздний тёмный вечер, мама уже улеглась в постель, читает, а я рядом кручусь. Вдруг в окно стучат с крыльца. Мама отправила посмотреть, кто пришел, но дверь не открывать. Иду к двери:

- Кто там?
- А папка дома?
- Нет.
- А кто дома?
- Мама.
- Ну-ка открой на минутку!

И умная девочка послушно открывает дверь. И тут входят два амбала в телогрейках, на рукавах у них лагерные нашивки. Оба здоровенные. Когда они зашли, в комнате даже темнее стало, спрашивают, где мать. Я тоненьким голоском:

- Мама... тааам...

Они в комнату. Мама лежит на кровати, как греческая статуя, красивая, статная сорока-летняя женщина. Как только она их увидела, лицо у неё стало не просто белое, а даже зелено-белое.

- Вам что надо?
- ... нам?

И стоят. Смотрят. На неё. На меня. На неё. На меня. И вдруг один бросил взгляд на стену, а там все эти папины грамоты, и шепчет испуганно так второму: «Эй, ты посмотри, это ведь Моисей Михайлович! Так это его семья!» Я громко сразу вставляю: «Да-да, а это мой папа!» Они: «Ой-ой-ой! Вы простите нас! Ему только не говорите, он же нас понимает, он же нас отпустил... Только, пожалуйста, не говорите! Что же мы наделали, он ведь нас предупреждал...» И они по стенке, по стенке давай пятиться назад к двери. Я за ними замок закрыла, но можете представить, как мне потом мамаша всыпала! Сижу реву в своей комнате, ремнём как следует попало, маму колотит: «Ты представляешь, что бы тут сейчас было?» И как раз папа домой стучит, а время уже позднее, спрашивает: «Ида уже спит? А следы на полу откуда?» Мама в итоге всё рассказала, хоть они и просили молчать. Уж не знаю, что он там с ними потом сделал, но грамоты нам добрую службу сослужили.

Кем быть, где учиться?

Вот тогда и началась настоящая жизнь. Папа был уважаемым человеком в городе, я полноценно училась, сестра могла спокойно приезжать в гости на каникулы, и мы тоже могли поехать куда пожелаем, на Украину, например, повидаться с родственниками.

Когда я окончила школу, то даже вопросов не было, куда ехать учиться. Естественно, в Свердловск, как сестра. А сестра тогда уже закончила юридический, вышла замуж и работала на шинном заводе. И вот я отправилась поступать в педагогический институт иностранных языков, где выучилась на преподавателя английского и немецкого, но преподавала потом всю жизнь в основном английский.

А решила я изучать именно иностранные языки, потому что этот предмет мне очень легко давался в школе, и ещё у нас были очень хорошие преподаватели: Елена Евсеевна и Виктория Леонидовна. Елена Евсеевна была очень красивой тихой женщиной маленького роста, учила нас азам, чтению. Я быстро запоминала правила. Если кто неправильно читает, она мне: «Ида, встань, скажи, как надо!» А когда тебя хвалят, ты же потом готов в лепешку расшибиться.

В старших классах к нам приехала выпускница Горьковского института иностранных языков, её мужа сюда направили работать. Красивая, молодая Виктория Леонидовна. Она зашла в класс и с первого слова нам давай всё только на английском! Мы аж рты разинули. И все были в неё буквально влюблены, толпой за ней бегали, и я в том числе. Она красавица, постоянно меняла наряды, читала нам очень много стихов, и уроки у неё были интересные. Позже она сама говорила, что всё это потому, что ей нравилось с нами работать, ведь она видела, что мы под её дудочку поём и сидим, затаив дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.